

ЧИНГИЗ АБДУЛЛАЕВ

КОГДА КОРОЛЬ СТАНОВИТСЯ ПЕШКОЙ

МАГИЯ ЛЖИ

Дронго

Чингиз Абдуллаев

Магия лжи

«PEN-клуб»

2014

Абдуллаев Ч. А.

Магия лжи / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб», 2014 — (Дронго)

После смерти Туркменбаши высокопоставленный чиновник Ягмыр Пурлиев бежал из Ашхабада и скрылся от новых туркменских властей в Москве. Прошли годы. Пурлиев прочно обосновался в России: организовал прибыльный бизнес, купил шикарный автомобиль и построил роскошный особняк в фешенебельном подмосковном поселке. Стал богатым и уважаемым человеком и о родной Туркмении совсем позабыл. Но в один прекрасный момент все изменилось. Пурлиев заметил за собой слежку и решил, что его снова преследуют сотрудники госбезопасности Туркмении. Он обратился за помощью к сыщику Дронго и попросил выяснить, что же нужно туркменским властям от него. Ведь прошло уже столько лет...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Чингиз Абдуллаев

Магия лжи

*Кружилось надо мной вранье,
Похожее на воронье.*

Белла Ахмадулина

Обычно наши действия так резко противоречат друг другу, что кажется невероятным, чтобы они исходили из одного и того же источника.

Мишель Монтень

Счастье и ложь не могут сосуществовать, ибо в тот день, когда счастье будет признано ложью, оно перестает быть счастьем.
Андре Моруа

Глава 1

Когда пошел дождь, они не стали ускорять шаг, не обращая внимания на крупные капли, падающие сверху. Автомобиль свернул на повороте, высадив обоих друзей достаточно близко к дому, где находился их офис. Со стороны это было неприметное здание, находящееся в одном из дворов на проспекте Мира. Обычно машина высаживала их на углу, не подъезжая к офису, чтобы не привлекать внимания соседей. Двое приехавших мужчин редко бывали здесь. В основном в офисе работали Леонид Кружков и его супруга, выполнявшая обязанности секретаря. Вдвоем они занимались всеми техническими проблемами. Тогда как Дронго и его напарник Эдгар Вейдеманис предпочитали принимать гостей в московской квартире Дронго, в которой он проживал один.

Но сейчас оба напарника спешили на встречу с необычным посетителем, настаивавшим на подобном свидании уже почти два месяца. Все началось с того, что однажды незнакомец позвонил Вейдеманису, узнав неизвестно каким образом его телефон, попросил о срочной встрече, не называя своего имени и цели своего возможного визита. Эдгар вежливо пояснил, что Дронго нет в Москве. Назойливый посетитель перезвонил через две недели, опять не представившись и не назвав причину своего звонка.

Вейдеманис снова ответил, что его напарник находится в Италии и прибудет только через две недели. Незнакомый требовал дать ему номер телефона эксперта, но Эдгар отказался, сказав, что не может этого сделать. Мужчина звонил еще несколько раз, а три дня назад во время очередного звонка сообщил, что знает о приезде господина Дронго и просит принять его по неотложному делу. На этот раз он представился, назвавшись Ягмыром Пурлиевым.

Было решено принять его в здании офиса на проспекте Мира, куда и направлялись двое напарников, чтобы познакомиться с назойливым незнакомцем. Ровно в полдень за дверью появился мужчина лет пятидесяти, среднего роста, достаточно тучный, коротко остриженный, с характерным разрезом азиатских глаз. У него были мясистые, немного оттопыренные уши, густые брови, тяжелый подбородок, полные губы. Уже по его имени и фамилии Дронго понял, что необычный визитер – выходец из Туркмении. Слово «Ягмыр» означало по-туркменски «дождь». Он сидел в кабинете, когда Вейдеманис вместе с гостем появились на пороге. Дронго поднялся, пожал гостю руку, и мужчины расселись в кресла.

– Я вас слушаю, – сказал эксперт, заметив при этом: – Вы проявили достаточно большую настойчивость, пытаетесь встретиться со мной.

– Верно. Мне было просто необходимо с вами встретиться. И с каждой неделей необходимость такой встречи только возрастала. Мне кажется, что только такой человек, как вы, может помочь мне и моей семье.

– Давайте по порядку, – предложил Дронго. – Какое у вас дело и чем именно я могу вам помочь?

– Я из Туркмении, – начал гость, – работал там заместителем министра экономики. Но десять лет назад я оттуда сбежал. Чудом сбежал. Тогда было совершено покушение на жизнь нашего бывшего президента Сапармурада Ниязова. И в этом покушении обвинили целую группу высокопоставленных чиновников, среди которых были министр иностранных дел Борис Шихмурадов и министр сельского хозяйства Имамберди Ыклымов. В число «заговорщиков» случайно попал и я. Уже тогда все понимали, что это просто очередная кампания по избавлению от неугодных людей, которых «Великий вождь всех туркмен» решил поменять. Меня объявили в международный розыск вместе с несколькими чиновниками, которым удалось сбежать. Остальных арестовали. Как мне удалось бежать, об этом лучше не вспоминать. Это настоящий детектив. Я удрал практически в одном костюме. К счастью, в этот момент моя супруга с дочерью были в Европе, и мне удалось перехватить их, пока они не вернулись назад, в Ашхабад. С тех пор мы и живем в Москве. Вот уже сколько лет. В общем, обычная история политического эмигранта.

– И вы не пытались вернуться обратно в Туркмению после смерти Туркменбаши? – спросил Дронго.

– Нет, конечно, – ответил Пурлиев, – разве вы не знаете, что там ничего не поменялось. Одного Туркменбаши сменил другой. Некоторые уверяют, что это был его внебрачный сын. Они действительно очень похожи. Но я думаю, что это обычные слухи. Просто Бердымухамедов был любимчиком Ниязова. Иначе он бы не стал министром здравоохранения и вице-премьером. Знаете, что такое должность министра здравоохранения в такой мусульманской стране, как наша? Это «хозяин жизни», который знает много секретов, в том числе и про истинное состояние здоровья очень больного Ниязова. На должность министра здравоохранения обычно назначают либо близких людей, либо родственников. Все знали, что у Ниязова был тяжелый диабет и проблемы с сердцем. Но он пытался держаться молодцом, строил планы на много лет вперед.

«Великий вождь» был очень «скромным человеком». Он отказался от шестого звания Героя Турмении, решив, что достаточно быть пятикратным. В конце концов переплюнуть Брежнева ему не захотелось. Вы, наверное, слышали, что он отменил Восьмое марта, перенес женский праздник на день рождения своей матери. Может, даже слышали про нашу Конституцию со словами верности Туркменбаши. И это в двадцать первом веке!

– Обычная мусульманская страна со своим диктатором, – улыбнулся Дронго, – ничего отличного от других республик Средней Азии. Может, только культ был немного смешным. Я читал его опусы. Покойный Туркменбаши всерьез уверял, что колесо и телегу изобрели туркмены, и вообще туркмены являются прародителями более чем семидесяти народов. Такой вот великий народ. А потом он своим указом закрыл оперу, балет и цирк, пояснив, что туркменам не нужны эти виды искусства, упразднил творческие союзы и закрыл библиотеки. Как видите, я знаю достаточно о вашей республике.

– Я так и думал, – кивнул Пурлиев, – поэтому и искал такого известного эксперта, как вы. Практически все знакомые прокуроры и следователи уже здесь, в Москве, уверяли меня, что вы самый лучший сыщик.

– Давайте более конкретно, – предложил Дронго.

– Конечно. Вам будет гораздо легче понять, что именно происходит с нашей семьей. В последние несколько месяцев я чувствую, что за мной следят. Видимо, новый «Вождь» решил послать сюда своих агентов, чтобы выкрасть меня или членов моей семьи и попытаться вернуть обратно в Ашхабад. Я даже думаю, что речь идет не столько обо мне, сколько о моих жене и дочери. Меня взять живым им не удастся, а вот если они возьмут кого-то из членов моей семьи, мне придется вернуться. Если вы помните, в Ашхабад добровольно вернулся бывший министр иностранных дел Борис Шихмурадов. Говорили, что в заложниках у власти были его близкие люди. И когда он появился, сразу состоялся публичный процесс в стиле тридцатых годов. На нем бывший министр иностранных дел «признавался» во всех несуществующих грехах. Говорил, что мы действительно преступная группа, и в нас нет ничего человеческого. В общем, эти мерзавцы заставили его исполнить свою роль до конца, – жестко добавил Пурлиев.

– А вы ничего подобного не делали и пострадали случайно? – пытаюсь избежать сарказма, произнес Дронго.

– Полагаю, что да. Ни в каких заговорах я не замешан. Ни в каких антиправительственных кампаниях не участвовал. Я был близок к некоторым министрам, и это меня погубило. Десять лет назад мне было только тридцать пять, и я считался одним из самых перспективных политиков в нашей стране. Но меня всего лишили – дома, работы, родителей – и выкинули из страны без ничего.

– И где вы обитаете в Москве?

– В Жуковке. Мы купили там небольшую дачу.

– Понятно. И вы считаете себя несправедливо обиженным, за которым сейчас идет охота туркменских спецслужб?

– Да, – кивнул Пурлиев, – поэтому пришел к вам просить о помощи. Сейчас понимаю, что нужно было действительно бороться с этим преступным режимом. Это был просто перевернутый мир. И мы молчали, никак не протестуя, – с нарастающим ожесточением добавил он.

– И теперь вы стали оппозиционером, – не скрывая иронии, заметил Дронго.

– И непримиримым, – подтвердил Пурлиев, не обращая внимания на сарказм своего собеседника. – Уже здесь, в Москве, я осознал, в чем именно состоит мой долг. Мы будем бороться до конца с этим преступным режимом. Теперь дети в школах изучают не дебилские тексты бывшего диктатора, аopus нынешнего президента «К новым высотам прогресса». Все повторяется по кругу.

– И в случае с оппозиционерами тоже, – неожиданно согласился Дронго. – Дело в том, что я встречал много подобных оппозиционеров из бывших чиновников и функционеров, которые становились непримиримыми оппонентами действующей власти, как только их лишали занимаемых постов и соответственно денежных доходов. Так происходит во многих республиках бывшего Союза. Пока чиновник или депутат у власти, он клянется в верности существующему режиму и президенту. Какие только слова он не готов говорить в адрес правителя, какие заявления в своей верноподданности делать. Но как только его лишают этой власти и бюджетной кормушки, откуда он черпает свои неправедные доходы, он сразу переходит в оппозицию. Вы не можете себе представить, сколько бывших министров и депутатов я знаю, которые «прозревают», лишившись своих постов, и сразу начинают говорить о демократии и справедливости. Причем чем больше они получили на прежней должности, тем сильнее их досада и разочарование и с тем большей яростью они готовы драться за свои утраченные привилегии и деньги. Вам не кажется, что у вас похожий случай?

– Почему вы так решили? – нахмурился Пурлиев.

– Посмотрите на свои часы. Это ведь «Вашерон Констант». Такая модель стоит около сорока тысяч евро. И еще вы живете в Жуковке, на небольшой даче, как вы сказали. Любая недвижимость в этом поселке начинается с миллиона долларов. Сколько стоит ваш участок? Два, три, пять миллионов?

– Я бизнесмен, – возразил Пурлиев, – и у меня хороший бизнес.

– Не сомневаюсь. Учитывая, что десять лет назад вы сбежали в одном костюме, оставив все в Ашхабаде. Когда вы купили свой дом в Жуковке? Только откровенно, иначе я не буду с вами вообще разговаривать. Учтите, что это легко проверить.

– Девять лет назад, – нехотя выдавил Пурлиев.

– Тогда получается, что вы за год заработали деньги на дом в Жуковке, – усмехнулся Дронго. – Значит, вы либо торговали наркотиками, либо получили нефтяную скважину.

– Не нужно меня оскорблять, – возмутился Пурлиев, – я бизнесмен...

– Это я уже слышал. Вы пришли к нам за помощью. Если мы не будем доверять друг другу, то ничего не получится. Вы даже не можете себе представить, сколько известных людей я знаю в Баку, Тбилиси или в Астане, которые, сидя на бюджетных должностях и успешно воруя государственные бюджетные средства, были верными сторонниками правящих кругов. А как только их отстраняли от кормушки, они превращались в борцов с правящими режимами. Человеческая порода неизменна в своих худших проявлениях. Это в данном случае не к вам, это вообще мои рассуждения о подобных «политиках». Вы, очевидно, имели счета за рубежом, о которых не знали в Ашхабаде? Только не отрицайте очевидного, вы ведь были «бизнесменом», еще работая заместителем министра?

– Никто не возражал против того, чтобы мы занимались бизнесом, – негромко произнес Пурлиев, – это было уже не социалистическое общество.

– Прибыль – прежде всего, – кивнул Дронго, – все понятно. Где вы сейчас работаете?

– У меня небольшая инвестиционная компания, – уклончиво ответил гость, – не очень крупный бизнес. Только девятнадцать сотрудников. Но на жизнь удастся заработать, с голоду мы не умираем.

– Понятно. А чем именно вы занимались в министерстве экономики, какую сферу курировали?

– Газовые месторождения и контракты. – Было заметно, что гостю не очень хочется говорить на подобные темы, но он сознавал, что Дронго легко проверит его ответы. Достаточно найти любого знакомого в Ашхабаде и узнать, чем именно занимался бывший заместитель министра экономики.

– Туркмения занимает второе место в мире по газовым месторождениям, – задумчиво проговорил Дронго. – Тогда все понятно, вы приехали в Москву не самым бедным человеком и не можете простить ашхабадским властям, что вас лишили подобных доходов.

– Возможно, и так, – согласился Пурлиев, неприятно усмехнувшись, – я не могу и не хочу им простить, что они лишили меня Родины на целых десять лет. Лишили общения с родителями и родственниками, которые остались в Туркмении. Я ведь мог стать министром, и все считали, что я буду на этой должности очень компетентным и подготовленным. А из-за всей этой истории мне пришлось бежать из страны. И даже теперь они не могут оставить меня в покое.

– Что именно вы хотите?

– Прежде всего обеспечить безопасность моей семьи, – пояснил Пурлиев, – я готов заплатить любые деньги, чтобы они оставили в покое мою жену и дочь. Я мог бы послать их куда-нибудь в Европу, но боюсь, что их найдут и там. Но самое ужасное, если они уедут, я не смогу поехать с ними, ведь я до сих пор нахожусь в международном розыске. И мне посоветовали обратиться именно к вам. Меня уверяли, что только вы можете решить наши проблемы.

– Интересно, каким образом? Попросить нового главу Туркмении не преследовать вас?

– Не знаю. Но вы, правда, не представляю, каким образом, сможете защитить мою семью. Я прошу вас согласиться на наше сотрудничество и завтра утром приехать ко мне в Жуковку, чтобы мы могли на месте все обговорить.

– Почему ваша страна просто не требует вашей выдачи? – поинтересовался Дронго.

– Это невозможно. Я получил пять лет назад российское гражданство, – пояснил Пурлиев, – и моя семья – тоже граждане России.

– Тогда нужно обращаться за помощью к местным правоохранительным службам. Они обязаны вас защитить.

– Нет, – возразил Пурлиев, – никто из них не сможет меня нормально защитить. Да и потом, у меня могут быть проблемы...

– Гражданство, – понял Дронго, – очевидно, и его вы получили соответствующим образом, то есть не очень законно?

– Откуда вы знаете? – поразился Пурлиев.

– Бывший чиновник, привыкший решать вопросы нетрадиционным способом, – ответил Дронго, – вы просто купили гражданство себе и членам своей семьи? Верно?

– Да. Именно поэтому я не могу обращаться в местные правоохранительные органы, может всплыть слишком много вопросов. А вам будет легче. Мне говорили, что у вас большие связи с местными следователями, прокурорами, полицией. Вы ведь самый известный эксперт, и вас все знают, в том числе и в Туркмении.

– С чего вы взяли, что за вами следят? Если это профессионалы, то вы не должны были их заметить.

– Они работают достаточно грубо. Даже мой водитель обратил на них внимание. Обычно дежурят на выезде, где начинается шоссе. Там крутой поворот. Их машины идут следом за нами, почти не таясь. Поэтому я искал вас. Я боюсь за свою семью, – торопливо произнес Пурлиев.

Дронго нахмурился.

– Речь идет о моей супруге и дочери, – добавил гость. – Я прошу вас завтра приехать к нам и самому убедиться во всем. Конечно, вы можете отказаться, я же не могу вас заставить.

– Сколько лет вашей дочери? – вместо ответа спросил Дронго.

– Уже семнадцать. Сложный возраст. В следующем году она будет поступать в институт, и я хотел бы оградить ее от разных проблем.

– А супруга? Чем она занимается? И сколько ей лет?

– Тридцать девять. Она вышла за меня замуж, когда ей было чуть больше двадцати и она училась в медицинском на пятом курсе. Потом работала некоторое время врачом, но после рождения дочери я решил, что будет правильно, если она уйдет с работы и займется воспитанием ребенка. К тому времени я был уже начальником управления Министерства экономики. Мне было двадцать девять лет. У нас с ней шесть лет разницы.

– В Москве она работает?

– Конечно нет. Сначала мы получали гражданство, потом пытались прятаться от старых властей, сейчас от новых. Все перемешалось, – вздохнул Пурлиев.

– И молодая женщина столько лет сидит дома?

– Она не сидит дома, – мрачно пояснил гость, – ездит по курортам, у нее есть подруги, отдыхает в Крыму, где мы купили небольшой домик на побережье. Не беспокойтесь, она не скучает. Не нужно думать о ее работе, главное – обеспечить ее безопасность.

– Вы говорили, что боитесь за них, а сейчас вспомнили, что они отдыхают в Крыму и часто ездят за границу, – заметил Дронго.

– Это было раньше, – быстро произнес Пурлиев, – сейчас они постоянно дома и никуда не выезжают. Я понимаю, что от нынешних властей в Ашхабаде можно ждать любой пакости. Особенно после того, как я начал активно поддерживать оппозицию.

– Давно?

– Что? – заерзал в кресле гость.

– Давно вы начали поддерживать оппозицию? – уточнил Дронго. – Вы ведь сказали, что не были замешаны ни в чем подобном и вас несправедливо обвинили. Подобные расхождения могут отбить у меня охоту заниматься вашим делом.

Пурлиев нахмурился.

– Тогда – да, а сейчас я действительно их поддерживаю. И хочу, чтобы в нашей стране начались по-настоящему демократические перемены, – несколько пафосно воскликнул он.

Дронго переглянулся с Вейдеманисом и спросил:

– Когда это началось?

– Примерно два месяца назад.

– И вы сразу решили обратиться ко мне за помощью?

– Да, именно так.

– Тогда я не совсем понимаю, зачем вы им нужны. «Великий вождь» уже умер, а новому лидеру вы не должны быть интересны.

– Я поддерживаю связи с демократическими группировками туркменской оппозиции в Москве, – настойчиво повторил Пурлиев. – Возможно, им это не понравилось, и они решили таким образом меня запугать.

– Никому не нравится, когда кто-то спонсирует деятельность оппозиции, – заметил эксперт.

Пурлиев дернулся и хрипло произнес:

– С вами опасно разговаривать, вы словно читаете мои мысли. Вы согласны мне помочь и завтра приехать к нам в Жуковку?

Дронго взглянул на молчавшего Вейдеманиса, на лице которого не отражалось никаких эмоций.

– Я готов выплатить любой гонорар, – добавил Пурлиев. – Мне нужна ваша помощь, не забывайте, что речь идет о моей семье. Назовите вашу сумму.

– Посмотрим, – наконец ответил Дронго. – Мы продумаем с моим напарником план действий и решим, чем именно можем вам помочь.

– Но завтра вы приедете? – настойчиво повторил Пурлиев.

– Да, – кивнул Дронго, – часам к двенадцати, если вас это устроит.

Глава 2

Эдгар проводил гостя и вернулся обратно в кабинет.

– Что ты об этом думаешь? – спросил он у Дронго.

– Типичная история бывшего чиновника, который сидел на бюджетном воровстве и, лишившись его, до сих пор переживает, мечтая снова вернуться в прежние времена. Их так много, и как только они лишаются кормушки, сразу вспоминают о демократии и кричат о тирании. Понятно, что этот тип сбежал отсюда не самым бедным человеком. Пока он устраивал «Великого вождя», ему позволяли воровать, а перестал устраивать, тут же выяснили, что он – коррупционер, прохвост, взяточник и вообще заговорщик. Все как обычно. В этом подлунном мире нет ничего нового. В этом Пурлиев прав.

– Я давно подозревал, что в конце концов ты станешь философом, – улыбнулся Вейдеманис. – Значит, хочешь ему отказать?

– Нет, – неожиданно ответил Дронго, – как раз наоборот, хочу познакомиться с ним и с его семьей поближе. И завтра утром отправлюсь к нему в Жуковку.

– Ты поверил в его рассказ? Даже я почувствовал, что он все время нервничает. Этот его характерный жест, когда он постоянно дотрагивался до подбородка, явно выдает его волнение и ложь. Он лгал, пока разговаривал с тобой, дергался, отводил глаза, нервничал, отвечая на твои вопросы. Это было очень заметно со стороны, и ты наверняка обратил внимание на его поведение.

– Именно поэтому мне стало интересно. Почему он вообще к нам пришел? Ведь он российский гражданин, и его семья тоже получила российское гражданство. Выдать их Туркмении невозможно, даже по российской Конституции. А нынешние власти в Ашхабаде никогда в жизни не пойдут на такой рискованный шаг, попытавшись выкрасть кого-то из российских граждан, даже если он поддерживает и спонсирует оппозицию. Из-за одного сбежавшего вороватого чиновника портить отношения с Москвой – просто глупо. И нецелесообразно. Но он пришел к нам и утверждает, что за ним следят. Почему? Во-первых, почему следят, если действительно следят? С какой целью? Убить или выкрасть российского гражданина, даже если он купил себе гражданство, очень опасно и грозит непредсказуемыми последствиями для туркменских властей. Ссориться с Москвой из-за Пурлиева – слишком nepoзвoлитeльнaя роскошь. Во-вторых, почему он пришел именно к нам? Он мог нанять частных детективов и частных телохранителей для своей охраны. Судя по его месту жительства и часам на руке, он человек достаточно обеспеченный. Почему он так настойчиво искал встречи именно со мной? В чем здесь тайна? Мне хотелось бы ее понять. И, наконец, в-третьих. Как ты правильно заметил, он, придя к нам, все время нервничал, дергался, лгал и очень неохотно отвечал на вопросы, касающиеся его состояния и положения. И даже семьи. А в конце разговора сообщил, что действительно поддерживает оппозицию, и это делает понятным возможное наблюдение за ним представителей туркменских спецслужб. Тогда я спрашиваю себя – что вообще происходит? Почему он пришел к нам? Только для того, чтобы нас обмануть? В чем состоит истинная причина его появления и такого настойчивого желания встретиться именно с нами? Я не знаю ответов на эти вопросы. А когда я не знаю ответов, я начинаю размышлять, пытаюсь понять истинный замысел. В данном случае понять его до конца пока не могу.

– И поэтому хочешь разобраться, – кивнул Эдгар. – Честно говоря, я думал, что ты его просто выгонишь, когда он начал путаться, нервничать и признался, что поддерживает оппозицию.

– Он пришел не за этим, – пояснил Дронго, – там был второй, а может, и третий уровень, который он тщательно скрывает. Но обида на бывшего вождя, безусловно, присутствует. Посмотри в Интернете, что там можно найти на этого бывшего чиновника.

– Сейчас сделаю, – ответил Вейдеманис и вышел из кабинета.

Дронго посмотрел на телефон. Нужно позвонить Джил. Он обещал перезвонить ей сегодня утром. Но разница с Италией достаточно большая, и там еще раннее утро. Странно, что она вообще терпит такую невероятную семейную жизнь, когда он сидит в Москве, а она с детьми живет под Римом. Нужно обязательно ей перезвонить. Интересно, почему Пурлиев не нанимает обычных телохранителей для своей семьи? Обязательно надо задать ему этот вопрос, который явно напрашивается. И еще один важный момент, на который Дронго обратил внимание. Гость все время говорил о том, что эксперта хорошо знают в Москве сотрудники правоохранительных служб. Что это? Оговорка по Фрейду? Или ему действительно нужен именно Дронго? Тогда для чего? С какой целью?

Вернулся Вейдеманис, и по его довольному виду эксперт понял, что в Интернете были материалы на их гостя. Эдгар протянул распечатанные листы бумаги:

– Сбежал из Туркмении десять лет назад. Один из главных подозреваемых в хищении особо крупных сумм по газовому контракту с австрийцами. Его тогда обвинили в завышении инвестиционных сумм на полмиллиарда долларов. И сбежал он за полтора месяца до покушения на Ниязова. Таким образом, он не имеет никакого отношения к так называемой группе оппозиционеров, которые появились сразу после покушения. Его объявили в международный розыск через Интерпол. Можешь себе представить, какие суммы он уплатил, чтобы ему дали здесь российское гражданство, после того как он попал в список Интерпола? Его отец был секретарем райкома, дядя – директором хлебокомбината. В общем, этот молодой человек в детстве тоже не голодал, а во время заключения сделки сумел сделать себе неплохие дивиденды, о которых узнал и сам Туркменбаши. Можно сказать, что Пурлиев взял «не по чину», и это ему не простили. Обычная история зарвавшегося чиновника. Непонятно, зачем он причисляет себя к пострадавшим. Он скорее обычный расхититель, сделавший деньги на этом контракте. Речь шла о сумме в сто миллионов долларов. Кстати, его инвестиционная компания стоит почти пятьдесят миллионов долларов, как раз половина украденных им денег.

– Что и требовалось доказать, – кивнул Дронго.

– И ты собираешься заняться делом этого жулика? – удивился Эдгар. – Не слишком ли большая роскошь?

– Не слишком. Что-то подсказывает мне, что мы обязаны заняться этим делом. Он не просто жулик, очень опасный человек, и нам нужно понять, почему он пришел именно к нам.

Дронго и его друг даже не подозревали, насколько верными окажутся их предположения и какие трагические события произойдут во время расследования этого необычного дела.

Вечером Эдгар перезвонил Пурлиеву и сообщил, что эксперт готов помочь необычному клиенту в его противостоянии с туркменскими властями. Пурлиев сдержанно поблагодарил, не выказав особой радости, но уточнил, когда именно приедут эксперты.

Утром следующего дня они отправились в Жуковку – один из самых элитарных поселков под Москвой. На строго охраняемую территорию их пропустили после того, как уточнили их фамилии и получили разрешение хозяев проехать на территорию. У дома Пурлиевых их встретил мужчина лет пятидесяти, с гладко выбритым черепом и мрачным лицом.

– Вас уже ждут, – сообщил он гостям, проводя их в дом, где в гостиной ждал сам Ягмыр Пурлиев. Он был одет в светлые брюки, темно-синюю рубашку и вельветовый пиджак голубого цвета.

Пурлиев энергично пожал руки гостям, приглашая их к уже накрытому столу.

– Что вы пьете? Коньяк, водку, вино? – уточнил он.

– Минеральную воду без газа, – попросил Дронго.

– И мне тоже, – повторил Вейдеманис.

Хозяин улыбнулся, но не стал возражать. Мужчины расселись за столом.

– У вас хорошая охрана, – заметил Дронго.

– Это не моя, – возразил Пурлиев, – они охраняют наш поселок.

– А кто нас встречал?

– Наш садовник. Бахром. Он работает у нас уже несколько лет.

– В доме есть еще кто-нибудь?

– Наша кухарка Полина Яковлевна, – ответил Пурлиев, – она тоже работает уже шесть или семь лет. И еще сюда иногда приезжает домработница. Один раз в неделю. Такая милая женщина. Тетя Клава. Хотя она, по-моему, моложе меня, но мы все называем ее тетей Клавой. Еще мой водитель, но он сейчас в городе. Женя Филубин. Больше никого нет.

– А где ваши супруга и дочь?

– Они сейчас у друзей. На соседней даче. Скоро должны приехать. У соседей породистая овчарка родила щенков, и они поехали отобрать одного щенка для нас. Хотя я всегда не любил собак, но ради дочери вынужден был согласиться. Это совсем недалеко, здесь минут десять езды. На Рублевке. Вы, наверное, слышали об этой семье. Заместитель министра финансов Колосков. У него уже третья супруга, моложе его на пятнадцать или двадцать лет. Но с Делером они подружились. Так зовут мою жену, – пояснил Пурлиев.

– Она не туркменка? – понял Дронго.

– Она узбечка по отцу и еврейка по матери. Такая интересная смесь, – усмехнулся Ягмыр, – хотя мать тоже не была чистой еврейкой. По еврейским понятиям, она считалась украинкой. У нее отец еврей, а мать украинка. Мать живет в Крыму. На нашей даче, – добавил он, – смотрит за садом в наше отсутствие. Между прочим, супруга Колоскова тоже полуукраинка-полуеврейка. Красивая женщина, хотя и не в моем вкусе. Никогда не любил блондинок. Мне всегда больше нравились брюнетки. Что ж, если от алкоголя вы отказываетесь, я предложу вам чай или кофе. Что именно вы предпочитаете?

– Мне зеленый чай, а моему напарнику кофе, – попросил Дронго.

Пурлиев поднялся и прошел на кухню. Они услышали голос хозяина дома, просившего кухарку приготовить им кофе. Затем Ягмыр вернулся в гостиную.

– Сейчас все сделает, – сказал он, усаживаясь на свое место. – Кухарка у нас просто замечательная. Золотые руки. Научилась готовить даже узбекский плов, который я очень люблю.

– Нужно позвонить вашей супруге, чтобы она поскорее вернулась домой, – предложил Дронго, – нам необходимо поговорить и с ней.

– Я позвоню. – Пурлиев достал телефон, набрал номер и быстро вышел из комнаты, закрывая за собой дверь. Через минуту он вернулся и сообщил: – Она скоро приедет. Только я не совсем понимаю, зачем вам нужна моя супруга. Речь идет о людях, которые следят за моей семьей. Нужно прежде всего обратить внимание на них. Может, они и сейчас стоят на повороте.

– Вы записали номера их машин?

– Конечно. Но машины бывают каждый раз разные. И, возможно, мы ошибаемся, хотя у меня есть список на три автомобиля, которые в разное время казались нам подозрительными.

– Мы все проверим, – кивнул Дронго. – А почему вы не нанимаете телохранителей? Я хотел спросить об этом еще вчера.

– Я не доверяю этим ребятам, – мрачно пояснил Пурлиев, – обычные костоломы, которые не умеют ни думать, ни размышлять. Только напрасная трата денег. Нанимать нужно супер-профессионалов, а их сейчас не найти. Такие ребята работают в охране у очень крутых олигархов. А накачанные спортсмены – просто гора мускулов без мозгов. Любой опытный спецназовец легко справится с четырьмя-пятью такими «качками». Нет, они мне явно не помогут.

– У вас есть оружие? – неожиданно спросил Дронго.

– Есть, я получил официальное разрешение.

– Купили? – уточнил эксперт.

– Вам не кажется, что вы иногда позволяете себе задавать не слишком корректные вопросы? – не выдержал Пурлиев.

– Вы хотите, чтобы я вам помогал, – холодно напомнил Дронго, – значит, в какой-то степени был вашим доверенным лицом, как семейный врач или адвокат, и поэтому не должны обижаться на мои вопросы.

– Я не обижаюсь, я удивляюсь.

– И тем не менее вы не ответили на мой вопрос.

– У меня есть официальное разрешение на хранение оружия, – повторил, чуть повысив голос, Пурлиев, – по-моему, этого вполне достаточно.

Полина Яковлевна внесла поднос с чашками. Дронго получил зеленый чай, хозяин дома свежесваренный черный с чабрецом, запах которого распространился по всей комнате, а Эдгару подали кофе.

– Спасибо, – поблагодарил Дронго и продолжил беседу: – Но на повороте никаких машин не было. Я специально обратил на это внимание.

– Значит, будут, – мрачно ответил Пурлиев, – может, они прячутся в роще и выезжают, когда появляются мои машины.

– Сколько у вас автомобилей? – спросил Вейдеманис.

– Четыре. На «Мерседесе» работает Женя, который возит нашу дочь в школу и забирает ее оттуда. Ну, и работает со мной. Кроме этого, у нас еще три машины. «БМВ» у меня, а у моей супруги «шестерка» «Ауди». Есть еще внедорожник «Ниссан Патрол», но он большую часть года стоит в гараже.

– Не самый скромный автопарк, – заметил Эдгар.

– Все машины далеко не новые, – словно оправдываясь, произнес Пурлиев, – хотя и в хорошем состоянии. Я всегда проверяю все свои машины и вовремя меняю масло и тормозные жидкости.

– Об этом лучше говорить налоговому инспектору и сотрудникам Госавтоинспекции, – слегка улыбнулся Дронго. – Дайте список машин, которые за вами следили. Постараюсь проверить через мои каналы.

– Конечно. – Пурлиев вытащил список и протянул его гостям. – Я уверен, что, по крайней мере, одна или две машины из этого списка абсолютно точно следили за нами. Я думал, что мне только показалось, когда ездил на своем «БМВ». Но мой водитель, Женя, тоже обнаружил слежку. Он даже проверил, попытавшись оторваться от преследователей, но они упрямо прицепились к нему.

– Профессионалы так не работают. Они сразу сворачивают наблюдение, если понимают, что их обнаружили, – напомнил Дронго.

– Это европейские профессионалы, – рассмеялся Пурлиев, – а за мной охотятся настырные туркменские профессионалы. Вы, видимо, не понимаете разницу. В первом случае важно остаться незамеченным, там уважают права человека и боятся судебных исков. Во втором случае важно подтвердить наблюдение. Демонстративно и показательно. Чтобы запугать, унижить, оскорбить, заставить опасаться и в конце концов отказаться от своей деятельности.

В этот момент в гостиную вошла молодая женщина. Мужчины поднялись. Высокого роста, с большим раскосыми черными глазами, скуластая, с копной черных волос. Впечатление не портил даже нос с небольшой горбинкой, который придавал ей особый шарм. Тонкие губы, внимательный строгий взгляд. Она была в очках, но, увидев гостей, быстро сняла их. Сочетание стольких кровей удачно перемешалось в этой женщине. Она не была модельной красавицей, но у нее было запоминающееся оригинальное лицо, которое невозможно забыть или игнорировать. Пурлиев несколько растерянно поднялся и посмотрел на часы. Он, видимо, не ожидал появления супруги так рано.

– Моя супруга Делером, – представил ее гостям Пурлиев.

– Здравствуйте, господа, – произнесла она достаточно низким голосом и села напротив своего мужа.

– Это эксперты, о которых я тебе говорил, – пояснил супруг.

– Очень приятно. Но мы ждали вас несколько позже, – заметила Делером.

– Эти господа приехали по моей просьбе, – быстро произнес Пурлиев.

– Я поняла, – кивнула Делером, – считаешь, что можно защититься таким образом.

– А ты, как всегда, недовольна, – мрачно заметил он.

– Я говорила тебе, что нужно искать причины всегда внутри себя, – спокойно парировала супруга.

– Мы обсудим попозже все твои предложения, – сдержанно предложил Пурлиев, – сейчас к нам приехали эксперты, которые могут нам помочь.

– Пусть помогают, – равнодушно согласилась Делером, – хотя я уверена, что нам ничего не угрожает. А насчет щенка – спасибо, это было так неожиданно с твоей стороны. Дочка очень рада.

– Мы потом поговорим, – чуть повысил голос Пурлиев. Было заметно, как он нервничает.

– Тогда зачем ты меня позвал, – спросила она, – если даже не разрешаешь мне говорить и сам не хочешь меня слушать.

Пурлиев покачал головой. Очевидно, он понимал, что Делером будет вести себя именно таким образом, поэтому прекратил обращаться к ней и повернулся к Дронго:

– У вас есть какие-нибудь вопросы к моей супруге?

– Она тоже видела автомобили, которые вас преследуют?

– Конечно, видела, – ответил за Делером супруг. Она сидела молча, не пытаясь ничего сказать.

– Мы проверим все номера машин, которые вы нам дали, – заверил хозяина эксперт.

– Ты прекрасно знаешь, кто именно организовал эту слежку, – вдруг заговорила Делером.

– Это только твое предположение. – Пурлиев начал краснеть. Было видно, что он не просто нервничает, а злится.

– Не только, – упрямо возразила супруга, – тебе все еще кажется, что ты и наша семья могут быть интересны Ашхабаду. А они давно тебя списали. Их уже не волнует, как ты здесь живешь, в отличие от Долгушкина, который являлся твоим компаньоном.

– Мы можем поговорить об этом после ухода гостей, – зло отрезал Пурлиев.

– Ты пригласил их только потому, что боишься преследования со стороны правоохранительных органов Туркмении, – напомнила Делером, – но я тебе все время говорю, что это работа Долгушкина, а ты не хочешь в это поверить.

– Извините, – вмешался Дронго, – я могу узнать, кто такой этот Долгушкин?

– Мой бывший компаньон по инвестиционной компании, – пояснил Пурлиев. – Мы начинали вместе, но потом он стал странно себя вести, требовать больше прибыли на том основании, что он резидент, а я иностранец. Даже после того, как я получил российское гражданство, он не сбавил темпа своих претензий, и нам пришлось расстаться. Он создал другую компанию, своего рода конкурент, которая иногда пыталась вставлять нам палки в колеса. Этот тип до сих пор считает, что может конкурировать с нами. Но это просто смешно...

– Вы выставили его из своего бизнеса? – уточнил Дронго.

– Опять не очень корректный вопрос, – усмехнулся Пурлиев, – но я вам отвечу. Есть люди, которые считают себя бизнесменами. Но деньги от них убегают. Вот таким был Митя Долгушкин. На каком-то этапе нашей жизни мы с ним сошлись и неплохо поработали, но потом я понял, что он не тот человек, с которым можно развивать большой бизнес. Он был мелковат, и как человек, и как бизнесмен. И поэтому мы расстались. Я не выставлял его из бизнеса, он сам себя выставил. А теперь иногда пытается конкурировать с нами, но у него ничего не получается.

– Он мог нанять частных детективов для слежки за вами?

Пурлиев посмотрел на супругу, понимая, что при ней будет сложно солгать, и нехотя выдал:

– Мог, но я не думаю, что Долгушкин пошел на такие расходы. Три разные машины, много людей. У него нет таких денег, чтобы позволить себе подобные расходы.

– В последнее время он раскрутился... – заметила Делером.

– Помолчи, – гневно прервал ее муж, – эксперты сами разберутся, не нужно им подсказывать. Для этого я их и пригласил.

– Ты считаешь, что все наши проблемы можно решить таким образом? – не скрывая злого сарказма, спросила Делером.

– Мы пытаемся решить наши проблемы, – явно сдерживаясь, пояснил Пурлиев, – и не нужно больше ничего говорить.

Она прикусила нижнюю губу, но промолчала.

– Вы тоже замечали чужие автомобили, которые следят за вами? – спросил Дронго, обращаясь к хозяйке дома.

– Разумеется, замечала. Иногда следили достаточно откровенно и нагло. Даже не скрываясь. Это раздражает. Очень сильно.

– А ваша дочь? Они следили за ее школой? Она не говорила вам об этом?

– Кажется, нет, не думаю. Иначе бы знала. Нет, по-моему, нет.

– Может, она просто не замечала, – вставил Пурлиев.

– Не думаю, – упрямо повторила Делером, – она бы обязательно заметила. Бибигуль очень наблюдательная девочка. Но у школы никого не было. Иначе чужие машины обязательно бы заметили, и не только наша дочь, но и охранники в лицее, где она учится. Ее школу переименовали в лицей еще три года назад, и там повсюду установлены камеры. Чужая машина не смогла бы там появиться.

– Мы проверим все автомобили, которые вас преследовали, – пообещал Дронго и спросил: – У вас есть личные враги?

– Нет, – быстро ответил Пурлиев, явно пытаясь опередить свою супругу.

Но та все-таки ответила:

– Нам вполне хватает друг друга, иногда чужие даже не нужны.

Пурлиев сжал зубы. Этот ответ ему вообще не понравился. Но он не решился продолжать спорить с женой в присутствии посторонних.

– А где ваша дочь? – уточнил Дронго.

– Она осталась на даче у Колосковых, – ответила Делером, – я вернулась в автомобиле их водителя. Позвонила Бахрому, чтобы дать указания, а он сообщил о приезде гостей.

– Это я попросил Бахрому сообщить тебе о приезде гостей, – быстро сказал Пурлиев, – я не мог до тебя дозвониться.

– Странно, – удивилась она, – у меня телефон лежал рядом со мной, на столике, и я ни с кем не разговаривала.

– Так часто бывает на дачах за городом, – попытался улыбнуться Пурлиев.

И в этот момент раздался женский крик. Все четверо прислушались. Кричала Полина Яковлевна откуда-то из кухни. Мужчины бросились туда, а Делером побледнела, вцепившись руками в стол. Было заметно, как она испугалась.

Глава 3

Из кухни был выход на веранду. Дверь была открыта, и на веранде уже хрипел умирающий Бахром. Дронго кинулся к нему, пытаясь помочь несчастному, но было поздно. У Бахрома начались конвульсии, а изо рта пошла пена. Дернувшись несколько раз, он затих. Полина Яковлевна беззвучно заплакала.

– Бедный Бахром, – всхлипывала она, – не могу понять, что с ним случилось.

Дронго осмотрелся. На краю веранды лежала бутылка воды, очевидно, выпавшая из рук умершего. Он подошел к бутылке и, не трогая ее, наклонился вниз. Бутылка была с характерной этикеткой «Ессентуки номер семнадцать», из нее доносился резкий запах синильной кислоты. Дронго повернулся к Пурлиеву:

– Чья эта бутылка?

– Понятия не имею, – пожал тот плечами.

– Это бутылка Бахрома, – сказала, тяжело вздохнув, Полина Яковлевна, – у него были проблемы с кишечником, и он пил минеральную воду. С утра оставлял ее открытой, чтобы газ вышел. Говорил, что не должен пить сильно газированную воду. Он зашел на кухню, спросил про мясо, которое должен был привезти вечером, и вышел на веранду. Бутылка была у него в руке. Сделал несколько глотков, потом вдруг закачался и начал медленно оседать на пол, но бутылку не выпустил из рук. Только когда свалился, она выпала из его руки и покатилась в сторону. А потом я закричала.

Дронго еще раз посмотрел на бутылку и спросил:

– Где он хранил свои вещи?

– У него есть домик на краю участка, – ответил вместо кухарки Пурлиев, показывая в сторону гаражей, – я разрешил ему здесь оставаться. Он следил за участком, чистил, убирал и жил у нас. И вообще был близким человеком нашей семьи, – немного подумав, добавил хозяин дома.

На кухне появилась Делером. Она вышла на веранду, секунд пять смотрела на умершего, не произнося ни слова, затем перевела взгляд на мужа и сказала:

– Сделай так, чтобы об этом не узнала наша девочка, если уж не можешь оградить нас от подобных ужасов. Ей необязательно все это видеть и знать, что именно у нас творится. – Резко повернувшись, Делером пошла обратно в дом.

Дронго снова наклонился к телу погибшего.

– Это был яд, его отравили. В бутылке еще остались капли жидкости. Нужно срочно вызвать полицию. Вместе со следователем. Пусть отправят на экспертизу бутылку и тело погибшего.

– Я же говорил, что они не оставят нас в покое, – хрипло произнес Пурлиев, глядя на умершего.

– И поэтому они отравили вашего садовника? – поморщился Дронго. – Хватит, Пурлиев. Вы прекрасно знаете, что здесь нечто иное. Кому и зачем нужно было убивать вашего садовника? Он даже не туркмен, а таджик, который жил здесь только благодаря вашему разрешению, иначе бы просто оказался на улице. Зачем убивать такого несчастного человека?

– Он был очень хорошим человеком, – громко подтвердила Полина Яковлевна, – и мастер на все руки. Наверное, это грузинская минеральная вода. В газетах писали, что она плохого качества. Вот он и отравился.

– В газетах писали про грузинское вино и «Боржоми», – напомнил Дронго, – и это был скорее метод воздействия на непокорную Грузию, чем реальное положение вещей. Могу вас заверить, уважаемая Полина Яковлевна, что у грузин прекрасное вино с многовековыми традициями.

– Вы, наверное, грузин? – спросила догадливая кухарка.

– Нет, просто я люблю грузинское вино. И еще истину, которую иногда препарируют слишком грубым образом. А самое печальное, что «Ессентуки» – это российская вода с Северного Кавказа, которая никакого отношения к Грузии не имеет.

Полина Яковлевна нахмурилась, но не решилась больше спорить. Дронго снова обратился к хозяину дома:

– Срочно звоните в полицию. Пусть выезжают. Это не просто бытовое отравление, в бутылке был сильнодействующий яд. Его намеренно отравили.

Пурлиев кивнул, доставая свой телефон.

– Слишком много совпадений, – тихо произнес Вейдеманис, приблизившись к эксперту.

– Я тоже об этом подумал, – согласился Дронго. – Но при чем тут садовник? Кому мешал этот несчастный таджик?

– И странная реакция хозяев, – добавил Эдгар.

– Более чем странная, – кивнул Дронго. – Они оба знают, зачем мы сюда приехали, понимают, что могут являться объектом наблюдения агентов их бывшей страны, и прекрасно осознают, насколько это опасно. Возможно, их садовника так показательно убрали для устрашения хозяев. Что бы ты делал в такой момент прежде всего?

– Бросился бы звонить своей дочери, чтобы узнать, где она находится и как себя чувствует, – признался Вейдеманис.

– А они оба не позвонили, – подвел неутешительный итог Дронго, – чем вызвали у нас особенные подозрения. Кажется, и мать, и отец просто забыли о своей дочери, что в принципе невозможно. Значит, дело в чем-то ином. А в чем именно? И кому понадобилось убирать пожилого таджика? Что он мог знать или сделать?

Тут к ним подошел хозяин дома и усталым голосом сообщил:

– Я уже вызвал полицию, они сейчас приедут. Заодно приедут следователь и бригада экспертов. Пусть проверяют, может, мы действительно выйдем на возможных преступников.

– У него был больной желудок? – спросил Дронго.

– Не знаю, – ответил Пурлиев, – желудки работников меня мало волнуют. Но у него были проблемы. Кажется, он был язвенник и поэтому пил все время слабоминеральную воду. Открывал две бутылки с утра, чтобы газ выдохся, а потом пил. Об этом знали все живущие в доме.

– Кроме вас с супругой и дочерью, в доме живет кто-нибудь еще? – спросил Дронго. И, не дожидаясь ответа, добавил: – Насколько я понял, кроме вас троих, здесь еще бывают ваш водитель и кухарка. Тогда подскажите, кого именно я должен подозревать? У вас есть такой человек на примете?

– Между участками нет охраны, – напомнил Пурлиев, – и часто вообще нет никаких заграждений. Поэтому здесь могло произойти все, что угодно. Я позвал вас, чтобы вы нам помогли, но, видимо, позвал слишком поздно. Бедный Бахром, мир его праху. Наверное, целились в меня, а попали в нашего садовника.

– Не думаю, – жестко возразил Дронго, – убийца не мог быть таким идиотом. Поверить в возможность того, что ваша бутылка стоит в подсобке у садовника и вы пьете с ним на пару минеральную воду, невозможно даже в самых страшных снах. Это слишком невероятно, чтобы быть похожим на правду.

– Тогда почему его убили? – настойчиво спросил Пурлиев.

– Можно, я задам вам такой же вопрос? – ответил Дронго. – Мне тоже интересно, кто и, самое главное, зачем убил этого таджика? Что он сделал или мог сделать? Что он знал или мог узнать?

Пурлиев пожал плечами и отвернулся.

Полина Яковлевна принесла большую простыню и попросила разрешения у Дронго накрыть тело.

– Нельзя, – ответил эксперт, – там остатки воды с ядом. Они могут впитаться в простыню, и тогда мы вообще не узнаем, кто и почему это сделал. Нельзя ничего трогать. И накрывать его тоже нельзя. Сейчас приедет полиция, потерпите немного.

Через несколько минут к дому начали подъезжать автомобили. Сначала приехала машина полиции. Затем следователь, за ним помощник прокурора, наконец, сам прокурор. Эксперты бережно упаковали бутылку с остатками воды. Брали анализы с одежды погибшего, из лужиц, оставшихся на полу.

Следователь, которого звали Роберт Мельников, приказал переписать всех находившихся в доме на момент убийства. Кроме супругов Пурлиевых, это были кухарка и два их гостя. После короткого осмотра он побеседовал с хозяевами дома, затем пригласил Дронго и сел за стол. У него были сросшиеся черные брови, глубоко посаженные глаза, вытянутый нос, и он был на две головы ниже эксперта.

– Что вы делали на даче господина Пурлиева? – уточнил следователь.

– Мы эксперты по вопросам преступности, – пояснил Дронго, – и приехали сюда для консультаций с хозяином дома.

– Так удачно приехали, – покачал головой Мельников, – как раз к моменту убийства. Вам не кажется подозрительным подобное совпадение?

– Кажется, – согласился Дронго, – только вы не совсем поняли. Я не доморощенный частный детектив, а эксперт Организации Объединенных Наций и бывший специалист Интерпола, поэтому не стал бы участвовать в отравлении садовника. Калибр мелковат, господин Мельников. Неужели вы не поняли?

– Я сам решаю, что именно мне следует понимать, – дернулся следователь. – Где вы были в момент убийства?

– Сидел на вашем месте в этой комнате и разговаривал с хозяевами дома, напротив сидел мой напарник, – спокойно ответил Дронго. – В этот момент мы и услышали крик кухарки, которая увидела, как упал на веранду несчастный садовник. После этого мы вышли на веранду. Я хотел ему помочь, но было уже поздно. Он бился в конвульсиях и умер буквально через несколько секунд. Очевидно, яд был достаточно сильным. Это не обычное бытовое отравление, это намеренное убийство.

– Вы специалист и по ядам тоже? – насмешливо спросил Мельников.

– Молодой человек, когда я начинал свои расследования, вас еще не было на свете. И я разбираюсь не только в ядах, но и в человеческой психологии. Неплохо разбираюсь. Поэтому могу вам посоветовать несколько умерить свои комплексы.

– Какие комплексы? – недовольно проговорил следователь. – Не понимаю, о чем вы говорите.

– Во-первых, не нужно так комплексовать из-за своего роста. Уже доказано, что большинство гениев было невысокого роста. Во-вторых, вы допустили ошибку, осмотрев только место происшествия и домик, в котором жил погибший. Нужно осмотреть весь дом и попытаться найти следы отравляющего вещества. Обязательно провести экспертизу и взять образцы крови у всех возможных свидетелей. Допросить водителей и садовников с соседних участков. Хотя полагаю, что искать нужно прежде всего здесь. В-третьих, немного расскажу вам о своих наблюдениях, чтобы вы мне поверили. Утром вы торопились и плохо побрились. Около правого уха осталась полоска щетины, волосы растут неравномерно, значит, вчера вы не брились. Очевидно, дежурили, поэтому у вас красные невыспавшиеся глаза. Теперь насчет вашего поведения. Вы, вероятно, только недавно получили доступ к самостоятельной работе, отсюда напряжение и неуверенность в ваших действиях. Такие действия психологи называют «пере-

мешательной активностью». Обратите внимание на ваши руки, суетливые и бесполезные движения, при которых вы все время мнете себе пальцы, выдают вашу неуверенность.

Мельников положил обе руки на стол.

– И не нужно крутить кольцо на пальце, которое вы получили совсем недавно, – добавил Дронго, – я думаю, что вы женаты не больше года. И вашей супруге не очень нравится ваша нынешняя работа. Я обратил внимание, что сегодня во время вашего визита было уже три телефонных звонка, и каждый раз вы односложно отвечали, что скоро закончите. Это подстегивает вас и нервирует, поэтому вы допускаете некоторые ошибки.

Наступило неприятное молчание.

– Закончили? – спросил, неприятно усмехнувшись, Мельников. – Такие фокусы в стиле Шерлока Холмса или Эркюля Пуаро. Подслушали мой разговор с женой и выдаете себя за аналитика. Меня не обманете. Насчет более тщательного осмотра я согласен. Сотрудники полиции отнеслись к нему достаточно халатно. Но это мы легко поправим. А насчет образцов крови и ваших отпечатков, можете не беспокоиться, это мы сделаем обязательно и без ваших напоминаний.

– Прекрасно. Значит, мои советы вам не нужны, – кивнул Дронго, – в таком случае вы можете их игнорировать.

– Вы интересный человек, – неожиданно произнес Мельников, – но я все равно буду проводить расследование своими способами и методами. Вы правы: у меня нет такого большого опыта в расследованиях. Но это уже девятое мое расследование. И восемь предыдущих были достаточно успешными.

– Поздравляю, – сказал Дронго, – именно поэтому вас и выдвинули на самостоятельную работу.

– Опять трюки? Узнали у кого-то из офицеров полиции, что меня недавно перевели?

– Я не разговаривал с вашими офицерами, – возразил эксперт, – неужели вы действительно ничего не поняли?

– Давайте по существу, – перебил его Мельников. – Вы ничего не видели, ничего не знаете и никого не подозреваете? Несмотря на свой большой опыт и ваше мастерство?

– Пока у меня нет подтвержденных данных, – ответил Дронго, – но я тоже пытаюсь понять, что именно здесь произошло.

– Есть конкретные подозреваемые?

– Я предпочитаю говорить только тогда, когда уверен в этом.

– Достаточно, – поморщился Мельников, – я понимаю, что вы хотели произвести на меня впечатление, и это вам удалось. Вы действительно наблюдательный и опытный человек, в меру своих возможностей и способностей. Но сегодня здесь ничего необычного не случилось. Просто приехавший к нам гость из Средней Азии выпил какое-то пойло и отравился. Экспертиза легко докажет, что там не было никакого яда. Обычное отравление некачественным спиртом. Бомжи и гости столицы умирают от этого гораздо чаще, чем от всех других причин. Поверьте мне, я знаю, что говорю. Возможно, он налил в бутылку какой-нибудь некачественный алкоголь и отравился этим суррогатом. И в этом весь секрет. Если бы он умер где-нибудь на вокзале или на улице, никто бы этого даже не заметил. Но он умер в элитном поселке, в доме у бывшего высокопоставленного чиновника из туркменской оппозиции. Только поэтому меня прислали сюда сразу после дежурства, о чем вы правильно догадались. Но уже завтра я закрою дело этого садовника, чтобы никогда о нем больше не вспоминать.

– Не закроете, – убежденно произнес Дронго, – это не обычное отравление. Вам просто необходимо более внимательно и тщательно все проанализировать.

– Мы справимся и без вашего участия, – пообещал Мельников и неожиданно признался:

– Но мне было интересно с вами беседовать.

– До свидания, – поднявшись, попрощался Дронго и вышел в другую комнату, где его ждал Пурлиев.

Теперь на допрос вызвали Вейдеманиса.

– Ну как, вы мне наконец поверили? – спросил Пурлиев, обращаясь к Дронго. – Я же говорил вам, что они за мной следят. И в любой момент готовы на любую подлость. Видимо, Бахром что-то узнал, поэтому они его и убили.

– Что мог узнать ваш садовник, который все время находился за городом и почти не выезжал отсюда? Вам не кажется странным, что его смерть произошла в тот момент, когда мы были у вас в гостях? Словно ее нарочно подстроили к нашему приезду.

– Я просил вас о помощи, – напомнил Пурлиев, – а вы, наверное, думали, что я преувеличиваю, не верили, что за мной следят, все время пытались иронизировать. Я же видел, как вы относитесь к моему рассказу. А я уверен, что моей семье угрожает реальная опасность. Они не остановятся ни перед чем.

– Зачем? Зачем туркменским властям убивать вашего садовника или нападать на кого-то из членов вашей семьи? – спросил Дронго. – Ведь это абсолютный идиотизм. И слишком неправдоподобно.

– Убийство Бахрома тоже неправдоподобно?

– Более чем. Я все время пытаюсь понять, что именно здесь происходит. Вы все еще хотите, чтобы я занимался вашим делом?

– Не знаю, – ответил Пурлиев, – я сейчас ничего не знаю. – В этот момент раздался телефонный звонок. – Я тебе перезвоню, – сказал он в трубку и, отключив телефон, убрал его в карман.

– Вы уже разговаривали со своей дочерью? – поинтересовался Дронго.

– Пока нет. Она у Колосковых. Там все в порядке. Я не хотел ее волновать. Пусть отсюда уедут полицейские и следователи, заберут труп, и тогда я ей позвоню.

– Вы очень заботливый отец, – заметил эксперт.

– Опять иронизируете? – покачал головой Пурлиев.

– Нет. Восхищаюсь вашей выдержкой.

– Я больше не буду с вами разговаривать, – возмущенно проговорил хозяин дома. – Я уже понял, что это была большая ошибка с моей стороны – попытаться просить вас о помощи. Вы с самого начала не хотели мне помогать. Уже по вашим вопросам я понимал, что вы считаете меня обыкновенным коррупционером и почти проходимцем. А ведь я – серьезный политик.

– Который сумел купить дом в Жуковке, носит часы за сорок тысяч долларов, имеет целый гараж дорогих элитных машин, свою компанию, рыночная стоимость которой зашкаливает за пятьдесят миллионов долларов, – в тон собеседнику произнес Дронго.

Наступило молчание. Пурлиев размышлял, как именно стоит ответить, и наконец спросил:

– Эти глупости вы взяли из Интернета?

– Ваш дом, машины, часы и компания – тоже глупости?

– У вас примитивное мышление, господин эксперт, – презрительно усмехнулся Пурлиев. – Свои деньги я зарабатываю своим трудом. И своим бизнесом. Вы просто не можете в это поверить.

– Не сомневаюсь. Все государственные воры обычно так и говорят. Это не потому, что я очень симпатизировал режиму Туркменбаши, просто я не люблю таких людей, как вы, Пурлиев. Это именно вы и вам подобные растащили бывшую страну по кускам, чтобы вам было легче ее грабить, обворовывать, наживаться. Вам плевать на обычных людей. Все ваши разговоры о суверенитете, патриотизме, независимости скрывают только шкурные интересы. Еще тогда вы все поняли, как легко можно ограбить собственный народ, если развалить большое государство и самим стать элитой в каждой стране. Элитой, которая уже не боится тяжелой

руки Москвы. Когда можно делать все, пока ты хвалишь и льстишь очередному маленькому диктатору, пока готов выслуживаться и пресмыкаться. И при этом вы и вам подобные считают себя настоящими бизнесменами.

В комнату вернулся Вейдеманис и, улыбнувшись, сказал:

– Кажется, вы ругаетесь, твой громкий голос разносится по всему дому.

– Нет. Мы признаемся друг другу в любви, – ответил Дронго. – До свидания, Пурлиев.

И подумайте над моими словами. Я почти убежден, что вы еще захотите меня увидеть.

– Не уверен, – помотал головой Пурлиев, – вы мне больше не нужны.

– Зато вы мне, кажется, становитесь интересны, – бросил Дронго, выходя с Эдгаром из комнаты.

– Что ты думаешь об этом убийстве? – поинтересовался Вейдеманис.

– Лучше не спрашивай, – признался эксперт, – иначе я буду чувствовать себя болваном.

А мне этого очень не хочется. Обидно, когда тебя считают болваном.

– Я догадываюсь, о чем ты думаешь, – мрачно сказал Эдгар, – но будет лучше, если мы поговорим обо всем дома.

Они сели в машину. Никто не мог даже предположить, что сегодня до вечера произойдет еще одно трагическое происшествие, которое перевернет все их возможные предположения и сделает ситуацию абсолютно непредсказуемой.

Глава 4

Уже приехав домой, Дронго и Вейдеманис прошли на кухню, устраиваясь за кухонным столом.

– Отвратительный тип, – убежденно произнес Эдгар, – мне было противно даже находиться в его доме.

– Это целая каста людей, которые выросли на обломках Союза, – сказал Дронго. – В каждой стране появились такие пронырливые Пурлиевы, которые, пользуясь моментом и ситуацией, смогли составить себе состояния, усаживаясь на нефтяные или газовые трубы, возглавляя таможи или налоговые ведомства, участвуя в залоговых аукционах, получая по дешевке заводы, фабрики, нефтяные вышки, шахты, леса и поля. Это был их бизнес и их возможность нажиться, которую они использовали в полной мере.

– Миссия общественного обличителя тебе не подходит, – заметил Вейдеманис.

– Не подходит, – согласился Дронго, – только когда я вижу эти рожи откормленных воров и казнокрадов, то вспоминаю своего отца, своего дедушку и свою бабушку. Два старших брата моего отца погибли на фронтах Великой Отечественной. За страну, которую развалили и ограбили все эти Пурлиевы. Отец рассказывал мне, что похоронку на среднего принесли самой бабушке, а вот похоронку на старшего дед спрятал. Он плакал по ночам, но не показывал ее жене, чтобы не огорчать. А она продолжала писать письма своему старшему сыну, которого уже не было в живых. Дед отбирал эти письма, якобы для того, чтобы отправить их сыну. Перечитывал их и снова плакал. Много лет спустя он рассказал об этом моему отцу, которому было только восемнадцать лет и он тоже участвовал в этой проклятой войне. И только после Победы дедушка признался бабушке, что она потеряла и второго сына. Отец говорил, что несколько лет она была словно не в себе, все время разговаривая со своими погибшими детьми. И вот теперь получается, что они погибли за этих вурдалаков. За эти свиные рожи, которые растащили страну на куски, чтобы воровать и грабить собственные народы. Не могу успокоиться. Понимаю, что глупо. Понимаю, что прошло много лет, но развал страны все равно не могу простить. Ладно, давай не будем больше об этом. Иначе я заведусь и меня невозможно будет остановить. Лучше вернемся к сегодняшнему убийству.

– Ты уверен, что это было убийство?

– Абсолютно. Следователь Мельников так ничего и не понял. Он все еще полагает, что Бахром мог отравиться, выпив некачественный алкоголь. У погибшего на шее висел Коран. Вряд ли мусульманин будет по утрам пить некачественную водку. Уже это выглядит неправдоподобно. Теперь по порядку. Пурлиев звонил нам два месяца, упрямо настаивая на встрече. Два месяца – слишком долгий срок, за это время он мог найти несколько крупных частных детективных агентств. Но он упрямо настаивал на нашей встрече, а потом несколько раз подчеркнул, что меня хорошо знают в правоохранительных службах Москвы. Оговорка по Фрейду. Ему нужен был именно такой человек, который сможет его прикрыть в случае необходимости. Гарантировать его алиби. Поэтому он не просто хотел с нами встретиться, а настаивал на нашей встрече именно в Жуковке.

– Согласен, – кивнул Вейдеманис, – меня тоже насторожила его настойчивость.

– Утром мы приезжаем туда, заранее договорившись о встрече, – продолжал Дронго, – и именно тогда выясняется, что в доме нет ни жены, ни дочери, которых он отправил к соседям. Хотя мы договаривались заранее и он знал, что мы собираемся беседовать с его супругой, но он нарочно отослал их к соседям. Он сказал нам, что у Колосковых ошенилась собака, поэтому члены его семьи отправились туда. А его жена в разговоре с нами сказала, что не ожидала от мужа такого подарка. Значит, он сознательно отправил жену и дочку, чтобы их не было в доме. И насчет Бахрома он нам соврал, сказал, что садовник работает у них несколько лет.

– Да, я помню его слова.

– А его кухарка Полина Яковлевна обмолвилась, что погибший работал только семь месяцев, – напомнил Дронго. – Несколько лет и семь месяцев – разница более чем большая. Он сознательно нас обманывал, чтобы не вызывать подозрения. Я уверен, что именно он подмешал яд в бутылку своего садовника. Ведь только близкие люди, проживающие в доме, могли знать о его болезни, о том, что он пьет газированную минеральную воду, оставляя ее с утра открытой, чтобы она немного выдохлась. Этим и воспользовался Пурлиев. Он все рассчитал по минутам. Смотрел на часы, ожидая, когда наконец появится садовник. У него было бы абсолютное алиби, так как мы сидели вместе с ним и могли это подтвердить. Ну и, наконец, самое невероятное, что даже после смерти садовника он не поинтересовался, где именно находится его дочь. Если бы он действительно боялся мести со стороны неизвестных лиц, то его первой и спонтанной реакцией должен был быть звонок дочери. Но он ей не звонил. Наоборот. Ему кто-то все время звонил, а он не хотел разговаривать в нашем присутствии и отключил телефон.

– Все это только косвенные доказательства, – заметил Вейдеманис. – Но зачем ему травить собственного садовника?

– Согласен, – кивнул Дронго, – и поэтому я ничего не сказал следователю. У меня нет конкретных доказательств вины Пурлиева. Главное – понять мотивы его чудовищного поступка. Зачем он это сделал? Чем ему мешал садовник? И почему он готовил это преступление так долго и тщательно, ведь он мог отравить его в любой день, и никто бы даже не поинтересовался, куда пропал Бахром. Но он ждал именно нас, чтобы иметь алиби. И я хочу понять – зачем ему понадобилось это убийство, что стоит за этим. Ведь он дал нам список машин, которые якобы за ними следили. А если действительно следили? Или он хочет поднять свой престиж в глазах оппозиции и показать всем, как его преследует нынешний туркменский режим? Но это слишком большое допущение. Тогда в чем дело? Почему он пошел на убийство? Я не знаю ответа на этот вопрос, поэтому и нервничаю. Конечно, я понимаю, что он хотел использовать нас в качестве болванов, сделав свидетелями своего алиби, чтобы избежать обвинений в убийстве. Но для чего? Просто так на убийство не идет даже такой законченный вор, как Пурлиев. Тогда в чем была его выгода? Его мотивы? Я не знаю ответов на эти вопросы. Но очень хочу знать. Кстати, он отказался с нами работать сразу после убийства садовника. Что, в общем, понятно.

– Судя по разговору с женой, у них достаточно натянутые отношения.

– Да. И он явно не ожидал, что она так быстро вернется. Конечно, он ей не звонил и еще раз обманывал нас, когда говорил, что разговаривал с супругой. А она сказала, что перезвонила Бахрому и он сообщил ей о гостях. Еще одна очевидная ложь Пурлиева. И его явное нежелание знакомить нас с членами своей семьи.

– Что думаешь делать?

– Проверить номера машин, которые он мне дал. И проследить за Пурлиевым. Он не совсем обычный вор. Убийство Бахрома было спланировано достаточно продуманно. Он убийца и очень опасен для окружающих. Ему кажется, что он сумел нас обмануть, но моя задача доказать ему, что это не так.

– Нужно будет еще раз поговорить с его женой, – заметил Вейдеманис, – мне тоже показалось, что у них достаточно натянутые отношения.

– Пробей номера через наших знакомых, – попросил Дронго, протягивая список с номерами машин.

– В Госавтоинспекции будут недовольны, – сказал Вейдеманис, – наши знакомые уже несколько раз предупреждали, что не будут нам помогать.

– Опять хотят, чтобы мы им платили? – понял Дронго.

– Не без этого.

– И им не стыдно, – притворно вздохнул Дронго. Он знал правила игры.

– Совсем не стыдно. Иначе ничего не дадут. Никаких сведений. Хотя любой инспектор может войти в систему и узнать, кому принадлежат эти автомобили.

– Тогда плати, – согласился Дронго, – ничего не поделаешь.

– И получается, что все твои рассуждения о моральных критериях всего лишь сотрясание воздуха, – усмехнулся Эдгар.

– С волками жить – по-волчьи выть, – возразил Дронго. – И потом, мне эти сведения нужны не для того, чтобы обогатиться или сделать нечто недостойное, я все еще надеюсь, что смогу сделать нечто полезное. Нельзя воевать с драконами, не используя других драконов. По-другому не получается. Кстати, еще нужно заплатить нашим знакомым из компании сотовой связи.

– Они тоже предупреждали о том, что поднимут плату за информацию, – напомнил Эдгар.

– Это уже безобразие, – притворно возмутился Дронго, – но придется платить и им тоже.

– Какая компания? «Мегафон» или МТС?

– Не знаю. Нужно узнать, где зарегистрирован его номер телефона. Хотя подожди, он оставлял нам свой мобильный. Легко можно определить, абонентом чьей компании он является. Проверь, кто сегодня утром ему все время звонил. Это тоже может быть интересно.

– Сейчас все узнаю, – пообещал Вейдеманис, доставая телефон.

Дронго поднялся и вышел из комнаты. Прошел в ванную комнату, чтобы умыться, и вернулся в кухню. Вейдеманис еще разговаривал по телефону. Закончив разговор, положил его на столик и взглянул на Дронго:

– Можешь не поверить, но первые два номера машин принадлежат посторонним людям. Один номер числится за пенсионером, полковником-летчиком, который дал машину по доверенности своему сыну. А другой номер зарегистрирован на женщину, директрису продуктового магазина. И они никак не подходят под стандарт наблюдателей. А вот с третьей машиной получилось интереснее. Она действительно из частного охранного агентства, которое называется «Прометей». Вот такие дела. Их машина вполне могла следить за Пурлиевыми или работать в качестве их охранников.

– Получается, что Пурлиев говорил правду? – недовольно спросил Дронго. – Тогда это еще больше усложняет нашу проверку.

– В Госавтоинспекции не могли перепутать. Номер машины зарегистрирован за агентством «Прометей». Нужно будет проверять уже на месте.

– Обязательно. Что с телефоном?

– Ему никто не звонил, – ответил Вейдеманис.

– Как это не звонил? Я сидел рядом и слышал, как ему все время звонили.

– Они готовы дать распечатку с его телефонов. Там звонки из Ташкента, Минска и несколько телефонных звонков из его компании.

– Сколько?

– Четыре или пять.

– Значит, это были не совсем рабочие звонки, – твердо сказал Дронго, – обычный секретарь не могла быть такой настойчивой. Конечно, если их не связывают другие отношения. Перезвони по указанному номеру и уточни, кто именно отвечает, – предложил он.

Вейдеманис согласно кивнул, снова доставая свой телефон. Набрал номер и, услышав приятный женский голос, произнес:

– Добрый день, простите, что я вас беспокою. Можно к телефону господина Пурлиева? Мы звоним из налоговой полиции.

– Его сейчас нет, – ответили ему.

– Мы договаривались о встрече, – солгал Вейдеманис. – Вы не могли бы сообщить, когда он будет в офисе?

– Он нам не говорил, но вечером, наверное, приедет, – пояснила секретарь. – перезвоните еще раз часа через два или три.

– Обязательно, – согласился Эдгар. – Но я сидел у него дома, когда он сегодня разговаривал с кем-то из ваших сотрудниц и обещал ей приехать на работу.

– Он, видимо, разговаривал с Милой. Это наш эксперт. Она обычно звонит с моего телефона. Но ее сейчас нет в офисе.

– Это я уже понял. Извините, что побеспокоил вас.

– Ничего страшного. Звоните.

Вейдеманис положил телефон на столик и победно взглянул на Дронго:

– Звонила какая-то Мила, которая обычно приходит звонить в приемную, она работает у них экспертом.

– Нужно будет встретиться и с ней, – предложил Дронго.

– Я поеду сам, – встрепенулся Вейдеманис, – тебе туда нельзя. Слишком громко спорил с Пурлиевым. По-моему, ты ему не очень понравился.

– По-моему, ты тоже, – усмехнулся Дронго и, поднявшись, подошел к окну. Там уже начинался обычный осенний дождь, достаточно сильный для этого времени года.

– Что-нибудь еще? – спросил Эдгар.

– Нет, ничего, – ответил Дронго, не оборачиваясь. – Давай куда-нибудь поедем и пообедаем. Правда, моя кухарка на меня обидится, она говорит, что я почти не обедаю дома. И нужно будет еще разобраться с этим «Прометеєм». Зачем они следят за Пурлиевым? Для чего он им нужен?

– Я спрошу у них, – кивнул Вейдеманис. – Поехали обедать, уже пятый час.

Напарники спустились вниз и на машине отправились в один из тех московских ресторанов, которые были среди самых любимых заведений Дронго. Они уже заканчивали есть, когда раздался телефонный звонок. Дронго посмотрел на номер, он был ему незнаком, но эксперт решил все же ответить.

– Слушаю вас, – сказал он.

– Добрый вечер, – раздался уже знакомый голос, – я решил перезвонить вам. – Это был следователь Роберт Мельников.

– Не буду спрашивать, как вы узнали мой телефон, но готов вас выслушать, – произнес Дронго.

– Оказывается, вы действительно достаточно легендарная личность, – начал Мельников, – я слышал столько разных историй, связанных с вами. И в прокуратуре, и в нашем следственном комитете.

– Звонит следователь Мельников, – пояснил Дронго, прикрывая телефон рукой, – оказывается, меня знают прокуроры и следователи.

– Он из-за этого тебе позвонил? – не поверил Вейдеманис.

Эксперт покачал головой и, уже обращаясь к позвонившему следователю, сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.